

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-17>

УДК 332.1

JEL R12, G11, F21

В.А. Якимова ^{a)}, Ж.А. Ермакова ^{b)}, Ф. Вэй ^{c)}^{a)} Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация^{b)} Оренбургский филиал Института экономики УрО РАН, г. Оренбург, Российская Федерация^{c)} Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китай

Факторы инвестиционной привлекательности российских регионов для китайских инвесторов¹

Аннотация. В условиях геополитических вызовов усиливаются тенденции экономического сотрудничества регионов России с КНР. Ввиду ограничения сотрудничества с большинством европейских государств регионы России осуществляют политику «разворота на восток», связанную с поиском инвестиционных возможностей для реализации, в первую очередь, российско-китайских проектов. В связи с этим выявление факторов инвестиционной привлекательности и перспектив инвестиционного сотрудничества российских регионов с Китаем является актуальной задачей. Цель исследования заключается в выявлении факторов инвестиционной привлекательности регионов России, способствующих прямым иностранным инвестициям (ПИИ) со стороны китайских инвесторов. Методология исследования базируется на методах текущей оценки – регрессионных и логит-моделях, позволяющих спрогнозировать вероятность притока инвестиций. Учет ожиданий и перспектив инвестиционного сотрудничества осуществлен неформализованными методами (анкетирование потенциальных инвесторов и балльная оценка, в основу которой положены критерии делового сотрудничества, транспортной доступности, отраслевой диверсификации, продуктивности российско-китайских взаимоотношений). В результате исследования выделены регионы с высокой, умеренной и низкой инвестиционной привлекательностью. В ходе оценки установлено, что в приграничных с Китаем регионах китайские ПИИ диверсифицированы в проекты обрабатывающей промышленности, транспорта, логистики, сельского хозяйства. Поэтому прогнозируется увеличение притока китайских ПИИ в инвестиционные проекты не только граничащих с Китаем регионов, но и регионов с высоким производственным и рыночным потенциалом. Выявлены основные факторы увеличения притока китайских инвестиций в российские регионы – строительство объектов транспортной инфраструктуры и реализация экономических коридоров. К наиболее привлекательным (с позиции китайских инвесторов) не граничащим с Китаем регионам отнесены Мурманская, Калужская, Калининградская, Архангельская, Челябинская, Нижегородская, Тульская, Оренбургская области, Республика Татарстан и другие регионы. К факторам, стимулирующим приток ПИИ, отнесены уровень потребительского рынка, возможности экспорта и расположение вблизи транспортных коридоров, кластерная политика, двусторонние соглашения. Также установлено, что высокие перспективы привлечения китайских инвестиций имеют отрасли специализации регионов, что не окажет влияния на изменение отраслевой структуры региона.

Ключевые слова: российско-китайское сотрудничество, инвестиционная привлекательность, прямые иностранные инвестиции, инвестиционный проект, инвестиционные предпочтения

Для цитирования: Якимова, В.А., Ермакова, Ж.А., Вэй, Ф. (2025). Факторы инвестиционной привлекательности российских регионов для китайских инвесторов. *Экономика региона*, 21(3), 817-834. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-17>

¹ © Якимова В. А., Ермакова Ж. А., Вэй Ф. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Vilena A. Yakimova ^{a)}, Zhanna A. Ermakova ^{b)}, Feng Wei^{c)}^{a)} Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation^{b)} Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Orenburg, Russian Federation^{c)} Heilongjiang University, Harbin, China

Factors of Russian Regions' Investment Attractiveness for Chinese Investors

Abstract. Economic collaboration between Russian regions and China is increasing amid ongoing geopolitical challenges. With limited ties to most European countries, Russian regions are pursuing a “pivot to the East,” seeking investment opportunities primarily through Russian-Chinese projects. It is, therefore, an urgent task to identify the factors attracting Chinese FDI to Russian regions. The methodology combines regression and logit models to forecast investment inflows, supplemented by informal methods such as surveys of potential investors and scoring based on business cooperation, transport accessibility, industry diversification, and the strength of Russia-China relations. The research identified regions with high, moderate, and low investment attractiveness. In border regions, Chinese FDI is diversified across manufacturing, transport, logistics, and agriculture. Growth in Chinese FDI is expected not only in these border areas but also in regions with strong production capacity and market potential. Key factors driving Chinese investment include the construction of transport infrastructure and development of economic corridors. Among the most attractive non-border regions for Chinese investors are Murmansk, Kaluga, Kaliningrad, Arkhangelsk, Chelyabinsk, Nizhny Novgorod, Tula, Orenburg, and the Republic of Tatarstan. Additional factors encouraging FDI inflows include the size of the consumer market, export potential, proximity to transport corridors, cluster policies, and bilateral agreements. The study also found that Chinese investment is likely to support regions' current industry specializations without altering their overall structure.

Keywords: Russian-Chinese cooperation, investment attractiveness, foreign direct investment, investment project, investment preferences

For citation: Yakimova, V.A., Ermakova, Z.A., & Wei, F. (2025). Factors of Russian Regions' Investment Attractiveness for Chinese Investors. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 21(3), 817-834. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-17>

Введение

ПИИ играют важную роль в развитии страны и регионов. Приток инвестиций, осуществление совместных проектов свидетельствуют о доверии к экономике страны и эффективности ее политики. Кроме того, ПИИ способствуют улучшению экономических связей, повышению производительности труда и эффективности предприятий. По объемам инвестиций в другие страны Китай занимает второе место в мире, преследуя цель стимулирования экспорта готовой продукции и получения доступа к ресурсам. За счет инвестирования китайские компании усиливают свои конкурентные позиции в мире и для расширения регионов присутствия создают глобальные цепочки поставок. Как показывает практика многих стран, китайские инвестиции способствуют технологическому прогрессу, обеспечивая экономический рост, новые рабочие места, насыщая региональные рынки новой продукцией.

Для России, находящейся в сложной геополитической ситуации, интерес регионов к инвестиционному сотрудничеству с Китаем растет в связи с освобождением региональных ниш, привлекательных для китайского биз-

неса, и ростом потребности в формировании новых логистических цепочек. Российские регионы, привлекая инвестиции, могут направить их на технологическое обновление производственного оборудования и создание новых производств. Однако привлечение китайских инвесторов может привести и к негативным тенденциям. В частности, возможны риски технологической незащищенности и получения иностранного стратегического влияния на проекты (Петров и др., 2022), рост зависимости от китайского импорта и торговые дисбалансы (Shakhriyov, 2024). Учитывая противоречия и новые реалии, актуальной является оценка инвестиционной привлекательности регионов России с позиции китайских инвесторов.

Обзор литературы

Первые теории ПИИ в региональной экономике опирались на теории рынка капитала, экономического роста и размещения производств. Наиболее известной является теория преимуществ ПИИ в условиях несовершенной конкуренции (доступ к передовым технологиям, получение экономии от масштаба,

эффекта управленческих навыков) для региона (Humer, 1976). Инвесторы руководствуются производством оригинальной продукции, технологическими преимуществами, доходностью капитала в различных регионах (Bandera & White, 1968), емкостью региональных рынков и возможностью диверсификации продукции (Ragazzi, 1973).

На базе теории С. Хаймера с учетом теории интернационализации и модели жизненного цикла продукта Р. Вернона Дж. Даннингом была создана эклектическая модель (Dunning, 1988). Модель описывает преимущества корпорации с ПИИ за счет выбора места размещения производства (L), собственника (O), интернационализации и формирования сетей (I). Локальное размещение определяет институциональные нормы и благоприятный инвестиционный климат, конкурентные преимущества, возможность эксплуатации дешевых факторов производства и стратегических активов. Выбор места размещения инвестиционного проекта с ПИИ на основе региональных преимуществ описывает теория П. Теша (Tesch, 1980). Ученый расположил факторы притока ПИИ по степени приоритетности: доступность факторов производства и рынков сбыта.

Вклад в понимание размещения ПИИ в регионе внесли представители теории сравнительных преимуществ. Межрегиональные различия в режимах благоприятствования и ограничениях формируют разные мотивы иностранных инвесторов. По мнению И.В. Шевченко, Е.О. Горещкой, районы иностранного инвестирования отличаются выгодным экономико-географическим положением, производственной инфраструктурой, механизмами институциональной поддержки, высокой конкурентоспособностью. В результате ПИИ может изменяться отраслевая структура региона (Шевченко, Горещкая, 2007). Чтобы обеспечить приток ПИИ, регионы должны иметь сравнительные преимущества — стратегические приоритеты, рентабельность капитала с приемлемым уровнем риска, формирующиеся рынки для притока кадров и передовых технологий (Тедеева, 2017). Следуя данной теории, П.А. Минакир и Д.В. Сулов (2018) обосновали размещение ПИИ в регионах Дальнего Востока за счет иммобильности факторов производства.

Эффекты от ПИИ для региона выражаются в улучшении инвестиционного климата, внутреннего рыночного потенциала и технологическом совершенствовании производства (Borensztein et al., 1998). Благодаря ПИИ в регионе концентрируются стратегически значи-

мые ресурсы, улучшается кадровый потенциал и формируется стабильная деловая среда (Тедеева, 2017). Изменяя политику с учетом ПИИ, регионы решают задачи инновационного развития, позиционирования на международной арене, организации сетевых форм производств, улучшают институциональную среду и региональную инфраструктуру (Голева, 2013).

Анализ научной литературы показывает, что ключевые факторы, способствующие притоку китайских инвестиций в региональные проекты, изменяются и отмечается рассогласованность мнений. Мотивы китайских инвесторов связаны с доступом к потребительским рынкам, дешевым ресурсам, технологиям, глобальному присутствию, диверсификации портфеля и др. (Попова и др., 2023). Покупательская способность населения определяет размеры рынка, а высокая численность населения в регионе гарантирует большее потребление и приток рабочей силы (Shakhriyov, 2024). По мнению других ученых, на китайские инвестиции влияет экономическая конъюнктура, законодательная среда, отношения между двумя странами (Юань и др., 2023). Значимым фактором притока ПИИ является развитость транспортной сети, способствующая быстрому распределению продукции, а также благоприятная региональная политика (Решетова и др., 2015).

Выявлен «эффект соседства» (Овчинников, 2017), который выражается в привлекательности географически близких регионов в условиях трансграничного сотрудничества, устойчивых соглашений. Приграничное положение позволяет интегрировать культуру, иметь большую осведомленность о стране, потребительских предпочтениях и привычках (Shakhriyov, 2024). Помимо приграничного положения в исследованиях отмечены факторы природно-ресурсного, потребительского и инновационного потенциала и др.

Учеными предприняты попытки поиска закономерностей распределения инвестиций и построения эконометрических моделей. М.Ю. Малкина, В.Н. Овчинников, М.Л. Горбунова оценили, как влияет на приток ПИИ ВРП, инфраструктура, близость к административному центру, обеспеченность ресурсами и размеры рынка (Малкина и др., 2017). Модели В.Н. Овчинникова (ПИИ на душу населения) определяют взаимосвязь между суммой китайских ПИИ и ВРП, уровнем развития инфраструктуры, долей населения с высшим образованием и инновационной активностью (Овчинников, 2017). А.Н. Новопашиной получен вытесняющий эффект экспорта в Китай

с привлеченными инвестициями (Новопашина, 2015). По ее мнению, отрицательная корреляция ресурсного потенциала региона с китайскими инвестициями обусловлена контролем над стратегически важными ресурсами.

В современных исследованиях акцент делается не на сферу добычи полезных ископаемых, а на развитие транспортной инфраструктуры, сельское хозяйство, нефтегазовую промышленность, энергетику, лизинг и высокие технологии (Shakhriyor, 2024; Большаков, 2021). При этом отмечаются и перспективные направления, которые смягчают риски зависимости. Например, проекты в сфере возобновляемых источников энергии (Gottwald-Belinic & Sonora, 2024), информационных технологий, новых материалов и биохимии (Сулов, 2022). Следуя теории ответственного инвестирования, которая заложена в инициативе Китая «Один пояс и один путь», китайским инвесторам будут интересны проекты в сфере зеленой экономики, высоких технологий, энергосбережения (Wang et al., 2023).

Кроме перечисленных факторов, следует выделить неформализованные, которые в случае с российско-китайским сотрудничеством играют важную роль. К ним относятся деловая среда, институциональные режимы, снижение барьеров, экспертные, научные и культурные обмены (Сулов, 2022). Исследование психологических мотивов китайских инвесторов показало, что их поведение опирается на долгосрочную ориентацию, высокую норму сбережения, снижения рисков и неприятие потерь, чрезмерную уверенность и «стадное поведение» (Yuan & DuraiPandi, 2024). По мнению ученых, китайские инвесторы, придерживаясь конфуцианства, следуют нормам и «инвестиционным привычкам».

Объектами исследования выступают регионы (субъекты РФ). Предмет исследования — экономические отношения, возникающие в процессе привлечения ПИИ в регион. Гипотеза исследования заключается в том, что в условиях политики «разворота на восток» диффузия китайских ПИИ в не граничащие с Китаем регионы России активно осуществляется при совпадении отраслевых приоритетов инвесторов и регионов, формировании новых транспортных коридоров и партнерских связей, в том числе на уровне региональной власти. Цель исследования заключается в выявлении не граничащих с Китаем регионов России, наиболее привлекательных для ПИИ со стороны китайских инвесторов.

Для верификации гипотезы поставлены следующие задачи:

- выявить факторы, способствующие притоку китайских ПИИ в граничащие и не граничащие с Китаем регионы России;
- определить сравнительные преимущества для не граничащих с Китаем регионов России;
- выделить группу не граничащих с Китаем регионов, в которую наиболее вероятен приток ПИИ из Китая на основе активизации сравнительных преимуществ.

Исходные данные и методы

Методология исследования базируется на комплексе методов:

- 1) ретроспективной оценки инвестиционной привлекательности регионов на основе эконометрического моделирования, позволяющего выявить ключевые факторы, влияющие на приток прямых инвестиций из Китая (методы — регрессионное и логит-моделирование);
- 2) прогнозирования вероятности притока инвестиций из Китая в субъект РФ и группировки регионов по уровню инвестиционной привлекательности (методы — анкетирование китайских инвесторов (КНР) и балльная оценка).

В качестве исходных данных выступают статистические данные по 85 субъектам РФ за 2016–2022 гг. Для целей настоящего исследования под регионом понимается субъект РФ. В результате сформирована панель пространственно-временных данных. В качестве результативных переменных выступает сумма ПИИ и привлекательность региона для китайских инвесторов (1 — регион привлекательный; 0 — регион непривлекательный). Выбор факторов основан на высокой частоте упоминаний, доступности и понятности для инвесторов, возможности статистического измерения. Выделены группы факторов (географические, отраслевые, рыночные, инновационные), а также введены новые, которые ранее в работах ученых не использовались: институциональные и политические, устойчивого развития — с соответствующими показателями (табл. 1).

Один из ключевых рейтингов (индекс конкурентоспособности регионов) оценивается Ресурсным центром по стратегическому планированию. Для оценки рынков (М) в регионе использованы показатели, измеряющие конкуренцию и диверсификацию рынков (средний ВРП, его прирост и т.п.), внутренний рынок (средняя оценка за 3 года доходов населения, их прирост, объемы «городского» рынка),

Таблица 1

Показатели для анализа инвестиционной привлекательности регионов

Table 1

Indicators for Analysing the Investment Attractiveness of Regions

Показатель	Обозначение	Источник информации
Сумма ПИИ из Китая, млн долл. США	Y1	Банк России [*]
ПИИ в регион (бинарная переменная, 1 – наличие, 0 – отсутствие)	Y2	Банк России
<i>Географические факторы:</i>		
Приграничность с Китаем (1 – наличие, 0 – отсутствие)	Pr	Карта России
<i>Рыночные факторы:</i>		
Денежные доходы (в среднем на душу), руб.	DD	ЕМИСС ^{**}
Объем экспорта, млн долл.	Exp	ЕМИСС
Оптовая и розничная торговля в регионе, тыс. руб.	Com	ЕМИСС
Оборот розничной торговли на душу населения, тыс. руб.	Rcom	ЕМИСС
Индекс развития рынков (как компонента индекса конкурентоспособности регионов), баллы	M	Индекс конкурентоспособности регионов
<i>Отраслевые факторы:</i>		
Отгружено товаров собственного производства, тыс. руб.		ЕМИСС
<i>В том числе:</i>		
Добыча полезных ископаемых	Min	ЕМИСС
Сельское хозяйство	Agrc	ЕМИСС
Транспортировка и хранение	Trans	ЕМИСС
<i>Инновационные факторы:</i>		
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами инновационного характера, тыс. руб.	In	ЕМИСС
<i>Институциональные и политические факторы:</i>		
Наличие ОЭЗ в регионе (бинарная переменная, 1 – наличие, 0 – отсутствие)	SEZ	Сайт Министерства экономического развития РФ ^{***}
Наличие в регионе территорий опережающего развития (1 – наличие, 0 – отсутствие)	TR	Сайт Министерства экономического развития РФ
Наличие кластеров в регионе (1 – наличие, 0 – отсутствие)	Clas	Атлас промышленности ^{****}
Наличие соглашения о сотрудничестве между регионами РФ и КНР (1 – наличие, 0 – отсутствие)	Agr	Собрано авторами по сайтам правительств регионов и МИД РФ
Индекс развития институтов в регионе, баллы	Ins	Индекс конкурентоспособности регионов ^{*****}
<i>Факторы устойчивого развития региона:</i>		
ESG-индекс региона (окружающая среда), баллы	E	Сайт ВЭБ РФ (ESG-индекс) ^{*****}
ESG-индекс региона (общество), баллы	S	
ESG-индекс региона (управление), баллы	G	
<i>Контрольные переменные:</i>		
ВРП, тыс. руб.	GDR	ЕМИСС
ВРП на душу населения, руб.	GDRp	ЕМИСС
Число высокопроизводительных рабочих мест, ед.	HW	ЕМИСС
Число прибывших в регион из зарубежных стран, чел.	Migr	ЕМИСС

Примечание: * Банк России (Статистика внешнего сектора). https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ (дата обращения: 26.02.2025). ** Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). <https://fedstat.ru/%5D> (дата обращения: 01.03.2025). *** Сайт Министерства экономического развития РФ. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osoby_e_ekonomicheskie_zony/ (дата обращения: 27.02.2025). **** Атлас промышленности <https://gisp.gov.ru/gisip/#/?lng=ru> (дата обращения: 27.02.2025). ***** Сайт ресурсного центра по стратегическому планированию <https://stratplan.ru/> (дата обращения: 27.02.2025). ***** Сайт ВЭБ РФ <https://xn--ctbjbleaab3chwacdqgef8f3d.xn--80afd3bal.xn--p1ai/> (дата обращения: 27.02.2025).

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

внешний рынок (отношение экспорта к ВВП). Институты и их эффективность (Ins) оцениваются показателем легкости ведения бизнеса, индикаторами Forbes, Опоры России и т. п. Следуя концепции ответственного инвестирования, заложенной также в китайских стратегиях, считаем необходимым ввести факторы устойчивого развития регионов. Для принятия инвестиционных решений рекомендован ESG-индекс. Данные выбраны за 2014–2022 гг., сформирована панель, включающая 85 субъектов РФ и 8 периодов исследования. Для сопоставимости статистической информации за разные периоды времени не были включены в исследование регионы, присоединившиеся к России в 2022 г. В связи с противоречиями, установленными предыдущими исследованиями, региональными различиями, считаем необходимым сгруппировать регионы на граничащие с Китаем (6) и не граничащие (79).

Перед проведением эконометрического моделирования исходные данные были внесены в программу SPSS с группировкой показателей по периодам исследования. Сформирована пространственно-временная матрица. На основе корреляционного анализа проведена проверка на мультиколлинеарность и нормальное распределение. Для единства размерности показателей проведено нормирование по формуле (1):

$$K_{\text{норм}} = \frac{K_j - K_{\min}}{K_{\max} - K_{\min}} \cdot 100\%, \quad (1)$$

где $K_{\text{норм}}$ — нормализованный частный индекс, K_j — частный индекс, K_{\min} — минимальное значение частного индекса из набора данных по регионам, K_{\max} — максимальное значение частного индекса из набора данных по регионам.

Модель с фиксированными эффектами позволяет объяснить зависимую переменную генеральной средней (K_{ijk}) влиянием как индивидуальных факторов, так и их совокупностью (Якимова, Хмура, 2023). Коэффициенты при переменных в модели отражают оценку индивидуальных эффектов. Модель основана на том, что повторные эффекты могут появляться у разных регионов в разные периоды времени. Модель выглядит следующим образом (формула (2)):

$$K_{ijk} = \text{const} + \alpha_i + \beta_1 K_{\text{норм}1} + \beta_2 K_{\text{норм}2} + \beta_3 K_{\text{норм}3} + \dots + \beta_n K_{\text{норм}n} + (\alpha\beta)_{ij}, \quad (2)$$

где α_i, β_j — эффект (фиксированный или случайный) на i -х уровнях воздействия факторов; $(\alpha\beta)_{ij}$ — эффект от их взаимодействия; $K_{\text{норм}1} \dots K_{\text{норм}n}$ — нормализованные факторные переменные.

Константа (const) отражает совокупное влияние факторов, которые не были учтены в модели.

На первом этапе анализа было сформировано 15 регрессионных моделей, в которых результивной переменной выступала сумма ПИИ из Китая (Y_1). Исходя из показателей значимости факторных переменных (t и F -статистики), выбраны три наиболее демонстративные модели (модели 1, 3 и 5).

Логит-модель позволяет построить прогноз вероятности привлечения китайских инвестиций независимо от суммы инвестирования. Результивная переменная (Y_2) представляет собой два события: 1 — в регион будут направлены китайские инвестиции, 0 — регион не привлекателен для китайских инвесторов. Сформировано 8 моделей, из которых наиболее статистически значимыми явились три (модели 2, 4 и 6).

Однако статистическая оценка имеет недостатки, связанные с ретроспективным характером, при этом мотивы инвесторов могут изменяться. Учет ожиданий и перспектив возможен с внедрением неформализованных методов. На наш взгляд, оценка привлекательности требует понимания мотивов инвесторов. В связи с этим проведен опрос китайского бизнеса и использована критериальная оценка перспектив. Опрос проведен совместно с АНО «Агентство Амурской области по привлечению инвестиций» и позволил получить ответы от 62 представителей китайского бизнеса, зарегистрированных в северо-восточных провинциях Китая¹. В состав опрашиваемых вошли представители малого бизнеса, видами деятельности которых выступили сельское хозяйство, торговля и сфера услуг, обрабатывающая промышленность. Репрезентативность выборки из данных провинций подтверждается тем, что основные деловые встречи и переговоры в 2022–2024 гг. осуществлялись преимущественно с администрацией провинций Хэйлуцзян, Ляонин, Аньхой, Хубэй, Шаньдун, Цзянсу, Шанхай.

Критериальная оценка перспектив дается как в рамках существующих инвестиционных проектов, так и заключенных соглашений. Информационной базой послужила

¹ Сайт АНО «Агентство Амурской области для привлечения инвестиций» (информационный ресурс для сотрудничества с Китаем). <https://mp.weixin.qq.com/s/oEV0DfrXdHQNEd7qPEppw> дата обращения: 02.03.2025

Таблица 2

Критерии для балльной оценки перспектив китайских инвестиций в регионы

Table 2

Criteria for Scoring the Prospects of Chinese Investments in Regions

Критерии	Баллы		
	(6-9]	(3-6]	[1-3]
1. Оценка продуктивности взаимоотношений*	высокая	умеренная	низкая
2. Отраслевая диверсификация	более 3 отраслей	1-2 отрасли	отсутствуют
3. Транспортная доступность	Наличие транспортной инфраструктуры, действующий транспортный коридор	Перспективный транспортный коридор	отсутствуют транспортные связи
4. Деловые связи с провинциями Китая	Более 3 провинций, связи устойчивые и длительные	1-2 провинции, заключение соглашений	отсутствуют
Итоговая оценка	Высокая	Умеренная	Низкая
Итоговая сводная балльная оценка	(24-36]	(12-24]	[3-12]

Примечание: * сводная оценка включает как инвестиционное, так и торговое сотрудничество регионов России и Китая.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

оценка продуктивности российско-китайских взаимоотношений за 2022–2023 гг., представленная российскими экспертами в рамках IV Российско-Китайского форума межрегионального развития в г. Харбине¹. Под продуктивностью понимается эффективность торгово-экономических связей, реализованных и планируемых инвестиционных проектов, действующих российско-китайских соглашений. Оценка была аккумулирована в один реестр на основании информации сайтов региональных органов власти. Экспертами при выставлении балльной оценки учитывался конкретный результат, полученный в ходе сотрудничества (табл. 2).

Для сводной оценки использована матрица «текущая / перспективная привлекательность регионов для китайских инвестиций», которая позволят выявить возможность привлечения китайских инвестиций в регионы.

Результаты и их обсуждение

За последнее десятилетие ежегодно отмечается рост китайских ПИИ в Россию и расширение направлений инвестирования. Инвестиции имеют неравномерное распределение по регионам (табл. 3). Ресурсные приоритеты долго преобладали, поскольку Китай выстраивает политику «инфраструктура в обмен на ресурсы». До 2013 г. проекты в сфере добычи полезных ископаемых были реализованы пре-

имущественно в Тюменской и Сахалинской областях.

В 2019 г. самые крупные китайские инвестиции (нефтяные компании Китая — CNPC и CNOOC) привлечены в проекты по производству сжиженного природного газа в Арктике. Ресурсное направление инвестиций обусловлено тем, что сырье и ресурсы для Китая важны при повышении качества продукции и сокращении издержек производства, а добыча природных ресурсов рассматривается Китаем как двигатель национальной экономики. В Забайкальском крае приток инвестиций направлен в сферу целлюлозно-бумажной (ООО «ЦПК "Полярная" — ЗАО Хэйлунцзянская международная инвестиционная корпорация по освоению ресурсов «Синбан») и горнорудной промышленности (ООО «Байкалруд», ООО ГПК «Лунэн», ООО «Разрез Уголь»). В Еврейской АО инвестиции вкладываются в добычу и обогащение марганцевой руды.

Однако в последнее время происходит смена ориентиров на совершенствование технологической базы и повышение производительности труда в трудоемких секторах. С Китаем граничат регионы Дальнего Востока России, в которые китайские инвесторы вкладывали средства на протяжении 20 и более лет. Стабильность и увеличение притока инвестиций обусловлены улучшением транспортно-логистической инфраструктуры для построения международных транспортных коридоров, ресурсообеспеченностью, высокой деловой активностью, наличием особых таможенных и налоговых режимов.

¹ Рейтинг продуктивности взаимодействия регионов Российской Федерации с Китайской Народной Республикой по итогам 2022–2023 годов. <http://russian-chinese.com/> дата обращения: 04.03.2025

Динамика ПИИ из Китая в регионы за 2015–2022 гг., млн долл. США

Table 3

Dynamics of FDI from China to Regions, 2015–2022, million USD

Субъект РФ	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
г. Москва	380,4	450,6	687,5	1 002,16	872,9	1 070,3	974,	910,4
Забайкальский край	199,5	1,6	3,3	349,6	411,6	483,7	521,3	584,9
Краснодарский край	0,11	0,08	437,8	461,0	382,2	428,9	359,4	357,4
Амурская область	26,7	49,3	60,93	65,1	57,60	66,13	58,5	279,9
Московская область	93,0	28,8	110,6	130,7	106,3	149,3	120,9	158,2
г. Санкт-Петербург	26,3	22,3	0	24,3	22,1	21,6	18,7	85,8
Липецкая область	0	0	0	99,1	83,9	84,9	71,0	70,6
Новосибирская область	2,7	2,6	28,43	30,23	25,6	28,7	24,7	24,8
Волгоградская область	0	0	0,22	0,23	0	18,5	15,9	18,8
Республика Бурятия	0	0	0	0	16,07	18,4	15,5	16,4
Свердловская область	0,38	0,33	14,34	16,09	12,7	14,3	12	11,9
Хабаровский край	27,1	27,7	23,9	18,1	16,3	17,2	16,1	10,6
Республика Бурятия	0	0	16,84	28,05	0	0	0	0
Томская область	0	0	24,27	2,22	-51,7	-105,8	-147,7	-150,7
Еврейская автономная область	8,8	19,1	19,1	19,67	12,7	9,4	7,6	3,1
Приморский край	-0,92	-44,7	17,04	1,16	-35,8	-40,2	-57,6	-61,3
Сахалинская область	9,92	9,92	10,74	10,85	10,6	10,7	10,6	0,7

¹Источник: Банк России (Статистика внешнего сектора). https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ (дата обращения: 26.02.2025).

Среди не граничащих с Китаем регионов наиболее привлекательны развитые регионы с высоким уровнем жизни населения: Москва, Краснодарский край, Московская и Липецкая области. Они рассматриваются инвесторами как регионы с высоким потребительским потенциалом. В Москве реализуются проекты по строительству инфраструктуры (совместный проект высокоскоростной магистрали «Москва — Казань»). Перспективными являются предприятия электронной коммерции совместно с Alibaba Group, Huawei и ZTE. В Липецкой области китайские инвестиции направлены на строительство металлургического и автомобильного завода.

В качестве приоритетных направлений следует выделить топливно-энергетический и нефтехимический сектор России. Китайские энергетические компании, такие как CNPC и Sinopet, участвовали в разработке и эксплуатации месторождений нефти и газа в России, а также строительстве энергетической инфраструктуры¹. Проекты связаны со строительством трубопроводов (Амурский ГПЗ, «Удмуртнефть», «Восток-

Энерджи», «Китайско-российская Восточная нефтехимическая компания», СПГ-проекты НОВАТЭКа Ямал СПГ, Арктик СПГ-2). Кроме традиционных проектов в сфере энергетики, китайским инвесторам стали интересны альтернативные источники энергии. Следует отметить инвестиции китайской компании Solar в проекты геотермальной и солнечной энергетики в Самарской и Астраханской областях, Ставропольском крае и Калмыкии.

Для выявления факторов, стимулирующих приток китайских ПИИ, построены эконометрические модели. Модели 1 и 2 сформированы для оценки влияния факторов на объемы китайских инвестиций в регионы России и вероятность инвестирования (табл. 4).

Согласно моделям 1 и 2, приграничное расположение (фактор Pr) имеет решающее значение для китайских инвесторов. Положительное влияние оказывает развитость рынков в регионе, объем производства в сфере сельского хозяйства и развитие транспортных сетей, логистических компаний, уровень развития производства в регионе. При этом отрицательное влияние на сумму инвестиций оказывает наличие территорий опережающего развития (далее — ТОР) в регионе,

¹ China Global Investment Tracker. <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (дата обращения: 28.02.2025).

Таблица 4

Моделирование влияния факторов на сумму ПИИ из Китая и вероятность инвестирования регионов

Table 4

Modelling the Influence of Factors on the Amount of FDI from China and the Probability of Regional Investment

Факторные переменные	Модель 1 (Y1)		Логит-модель 2 (Y2)	
	Y1	t (p)	Y2	t (p)
<i>const</i>	0,1017	8,5 (0,00)	0,2334	6,083 (0,00)
<i>Pr</i>	0,0361	3,542 (0,00)	0,1995	2,966 (0,03)
<i>DD</i>	—	—	-0,485	-5,138 (0,00)
<i>M</i>	0,1308	9,156 (0,00)	0,5312	5,182 (0,00)
<i>TR</i>	—	—	0,1463	3,722 (0,00)
<i>Agr</i>	—	—	0,1862	5,367 (0,00)
<i>Min</i>	-0,2980	-10,507 (0,00)	0,2758	2,041 (0,04)
<i>Agrc</i>	0,0729	4,985 (0,00)	—	—
<i>Trans</i>	0,8325	6,568 (0,00)	0,7696	4,222 (0,00)
<i>S</i>	-0,1008	-5,824 (0,00)	—	—
<i>GDR</i>	0,7992	5,203 (0,00)	—	—
<i>HW</i>	-0,7611	-12,306 (0,00)	—	—
-2 Log-правдоподобие	-1 822,80		799,37	
Информационный критерий Акаике (AIC)	-1 800,80		819,37	
Критерий Гурвича-Цая (AICC)	-1 800,41		819,69	
Критерий Боздогана (CAIC)	-1 739,80		874,82	
Байесовский критерий Шварца (BIC)	-1 750,80		864,82	

Примечание: в скобках указаны стандартные ошибки. В скобках у t-статистики указан уровень значимости (при $p < 0,05$ фактор имеет значимость). Зависимая переменная может повторяться в период 2017–2020 гг. При оценке F-статистики все модели имеют неравенство $F_{набл} > F_{кр}$ при 5 %-ном уровне значимости.

Источник: составлено авторами на основании моделирования.

Source: compiled by the authors based on modelling.

а также объемы производства добычи полезных ископаемых и число высокопроизводительных рабочих мест. Отрицательное влияние ресурсного фактора согласуется с результатами предшествующих исследований. Крупные инвесторы имеют интерес в сфере энергетики и добычи полезных ископаемых, которые не являются резидентами TOP. В связи с этим наблюдается обратная тенденция. Отрицательное влияние фактора «общества» из ESG-индекса объясняется тем, что на развитие комфортной среды направляются бюджетные средства и реализуются национальные проекты, что математически снижает долю китайских инвестиций. Не выявлены взаимосвязи с мероприятиями по охране окружаю-

щей среды, что говорит только о намерениях инвесторов вкладывать в «зеленую экономику».

Вторая модель является логистической и описывает влияние факторов на вероятность того, что регион станет инвестиционно привлекательным для ПИИ. Выявлена положительная связь с институциональными факторами, а именно наличием соглашений, наличием режима TOP. Для второй модели выявлена отрицательная связь китайских инвестиций с уровнем денежных доходов населения, поскольку регионы с высоким уровнем жизни населения практически недоступны для китайских инвесторов. При высокой покупательской способности с увеличением денежных доходов насе-

ления происходит рост расходов на заработную плату. В таблице 5 приведены модели для граничащих с Китаем регионов.

Для граничащих с Китаем регионов объем ПИИ определяется привлекательными для китайских инвесторов институциональными факторами (уровень управления и развитие институтов), а также объемами добычи полезных ископаемых. При этом отрицательное влияние оказывают факторы окружающая среда (E) и общество (S), наличие ТОР. Модель, оценивающая влияние вероятности привлечения инвестиций в регион, описывает положительную связь режима ТОР, фактора общество (S) и экспортной ориентации региона.

Отрицательное влияние фактора окружающей среды связано с ужесточением требований к экологической безопасности проектов, в том числе и в сфере добычи полезных ископаемых. С 2015 г. фактором стимулирования стали совместные проекты в рамках режимов ТОР и Свободного порта Владивосток (далее — СПВ). Росту инвестиций способствовало увеличение числа совместных предприятий с китайскими инвестициями в ТОР до 12 и в СПВ

до 28 в 2018 г. Приток китайских ПИИ обусловлен предпочтениями и адресным сопровождением строительства объектов инфраструктуры. В 2021 г. было реализовано 58 проектов ТОР и СПВ с участием китайских инвесторов. При этом в проекты ТОР китайские инвестиции привлекаются в суммах, которые аналогичны суммам по проектам добывающей промышленности, не являющимся резидентами ТОР. Об этом свидетельствует положительная связь режима ТОР с вероятностью притока ПИИ (модель 4) и отрицательная — с суммой ПИИ (модель 3).

Институциональные механизмы дальневосточных регионов связаны, во-первых, с работой межправительственной комиссии. Так, на Дальнем Востоке создана Российско-китайская комиссия торгового и инвестиционного сотрудничества, важнейшим механизмом является ВЭФ и АмурЭкспо. Китай выступает главным торговым партнером для граничащих с Китаем регионов. Во-вторых, притоку инвестиций благоприятствует развитие инвестиционных фондов (Фонд развития Дальнего Востока, Российско-китайский инвестици-

Таблица 5

Модели для граничащих с Китаем регионов

Table 5

Models for Regions Bordering China

Факторные переменные	Модель 3 (Y1)		Логит -модель 4 (Y2)	
	Y1	t (p)	Y2	t (p)
<i>const</i>	0,2189	1,864 (0,05)	0,954	3,542 (0,03)
<i>TR</i>	-0,097	-2,044 (0,05)	0,78	7,691 (0,00)
<i>Exp</i>	—	—	0,0002	4,12 (0,00)
<i>Min</i>	16,26	7,334 (0,00)	—	—
<i>E</i>	-0,3699	-1,671 (0,01)	-1,9305	-3,586 (0,01)
<i>S</i>	-0,4885	-1,714 (0,03)	1,443	2,956 (0,05)
<i>G</i>	0,6364	1,502 (0,004)	—	—
<i>Ins</i>	0,257	2,403 (0,02)	1,0719	4,199 (0,00)
-2 Log-правдоподобие	-91,91		4,25	
Информационный критерий Акаике (AIC)	-71,91		18,25	
Критерий Гурвича-Цая (AICC)	-65,97		21,05	
Критерий Боздогана (CAIC)	-43,20		38,35	
Байесовский критерий Шварца (BIC)	-53,20		31,35	

Источник: составлено авторами на основании моделирования.

Source: compiled by the authors based on modelling.

онный фонд для инвестиций в горнорудную промышленность).

Кроме традиционных отраслей переработки природного газа, нефтехимической промышленности и обработки древесины, приоритетными отраслями для китайских ПИИ стали сельское хозяйство, биотехнологии, химическая промышленность, энергетика, туризм и т. п. В Забайкальском крае построен ЛПК для экспорта продукции с высокой переработкой; в Амурской области — Амурский газохимический комплекс по производству полимеров для несырьевого экспорта (40 % инвестиций Sinopet Corp.); в Приморском крае — проекты по автомобилестроению, переработке цементного клинкера, производству пластмассовых изделий и др.

В границах с Китаем регионах значимыми выступают инфраструктурные проекты с китайскими инвестициями, такие как ГЧП-проекты по строительству городской инфраструктуры и строительство автомобильного моста в Забайкальском крае (ООО «Большой Хинган Синьлинь — Забайкальский», ООО ГПК «Лунэн»), автомобильного моста между Благовещенском и Хэйхэ в Амурской области, железнодорожного моста в Еврейской АО Нижнеленинское — Тунцзян. В Приморском крае значимы стратегические инфраструктурные проекты: МТК «Приморье-1» и «Приморье-2», обеспечивающие транспортный каркас российско-китайской интеграции. В результате инвестирования в строительство транспортной инфраструктуры формируются кратчайшие логистические маршруты, позволяющие сократить затраты и повысить эф-

Таблица 6

Модели для не граничащих с Китаем регионов

Table 6

Models for Regions Not Bordering China

Факторные переменные	Модель 5 (Y1)		Логит-модель 6 (Y2)	
	Y1	t (p)	Y2	t (p)
<i>const</i>	0,0343	2,601 (0,01)	0,261	2,908 (0,04)
<i>DD</i>	0,0486	3,41 (0,01)	-0,6299	-6,119 (0,00)
<i>Exp</i>	0,094	1,93 (0,05)	—	—
<i>Min</i>	-0,1624	-8,386 (0,00)	—	—
<i>Agr</i>	0,022	4,93 (0,00)	0,1317	3,759 (0,00)
<i>M</i>	—	—	0,5883	6,129 (0,00)
<i>Class</i>	—	—	0,1819	5,078 (0,00)
<i>Agrc</i>	0,1165	9,37 (0,00)	—	—
<i>Trans</i>	1,2239	16,5 (0,00)	—	—
<i>E</i>	0,054	2,937 (0,03)	-0,6234	-4,398 (0,00)
<i>S</i>	-0,137	-6,411 (0,00)	0,6085	3,787 (0,00)
<i>HW</i>	-0,395	-8,615 (0,00)	0,6709	4,25 (0,00)
-2 Log-правдоподобие	-1 921,99		716,12	
Информационный критерий Акаике (AIC)	-1 897,99		736,12	
Критерий Гурвича-Цая (AICC)	-1 897,50		736,47	
Критерий Боздогана (CAIC)	-1 832,30		790,86	
Байесовский критерий Шварца (BIC)	-1 844,30		780,86	

Источник: составлено авторами на основании моделирования.

Source: compiled by the authors based on modelling.

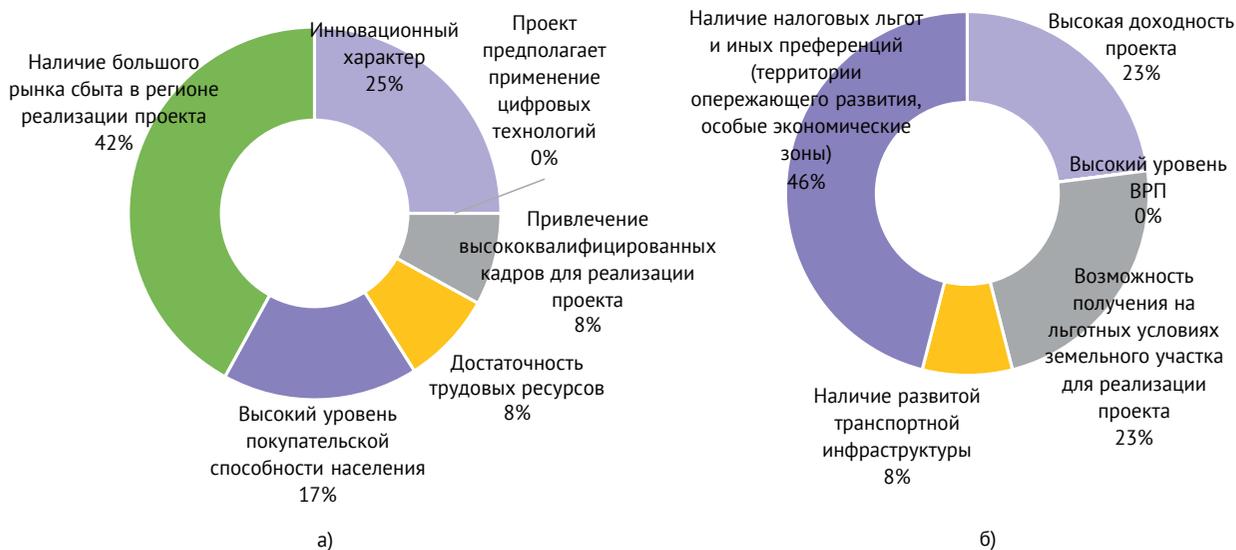

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о факторах для принятия решения о вложении инвестиций в проект на территории России, % (источник: составлено авторами)

Fig. 1. Breakdown of Responses Regarding Factors Influencing Investment Decisions in Projects in Russia, % (Source: compiled by the authors)

фективность перевозок в северо-восточные провинции Китая. Для не граничащих с Китаем регионов модели приведены в таблице 6.

Не граничащие с Китаем регионы привлекательны для китайских инвесторов благодаря экспортной ориентации, развитию сельского хозяйства и транспортных услуг, ESG-проектам. Большое значение имеет наличие региональных соглашений и высокие доходы населения региона. Вероятность привлечения инвестиций в регион зависит от развития рынков и кластеров в регионе, а также высокопроизводительных рабочих мест и социальных проектов (S).

Для проверки реалистичности прогнозных моделей в условиях изменения приоритетов международного сотрудничества регионов оценены ожидания инвесторов и планы, направления региональной политики регионов России. Для оценки уровня инвестиционной привлекательности регионов проведен опрос китайского бизнеса. По результатам опроса следует отметить, что готовность инвестировать в российские проекты выражают 67 % опрошенных представителей китайского бизнеса, а 33 % еще принимают решение. 25 % опрошенных при принятии решения об инвестировании в России используют личные контакты с друзьями, коллегами, партнерами по бизнесу. Меньше всего китайские инвесторы доверяют информации из СМИ. Важное значение имеет размещение проекта на границе с Китаем (67 % опрошенных). Также значимо размещение проекта в промышленно развитом регионе (33 %). Практически все респонденты отмечают важ-

ность соглашения о российско-китайском сотрудничестве, встреч с представителями органов власти и деловых визитов.

Ответы на вопрос о выборе наиболее важных факторов для принятия решения о вложении инвестиций в проект на территории России приведены на рисунке 1. Респондентам предложены трудовые, рыночные и инвестиционные факторы (рис. 1 а), а также экономические, институциональные, инфраструктурные факторы (рис. 1 б). В качестве факторов инвестиционной привлекательности следует выделить наличие в регионе большого рынка сбыта, который зависит от отраслевой специфики проекта. Приоритетным становится инновационное направление, что означает интерес китайских инвесторов в научно-техническом потенциале и новых разработках.

Важное значение для инвесторов имеет наличие налоговых льгот и преференций (46 %), в связи с чем наиболее привлекательными становятся СЭЗ, высокая доходность проекта. Китайские инвесторы готовы реализовывать проекты в сфере логистики, сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, а также зеленой экономики (ESG-проекты). Исходя из перспектив российско-китайского партнерства, следует отметить, что больше всего совместных предприятий ожидается в сфере транспорта и логистики, а также сельского и лесного хозяйства (рис. 2).

Транспортные услуги и логистика имеют перспективы в Амурской и Иркутской области, Якутии (газопровод «Сила Сибири»), Приморском и Забайкальском крае, Татарстане

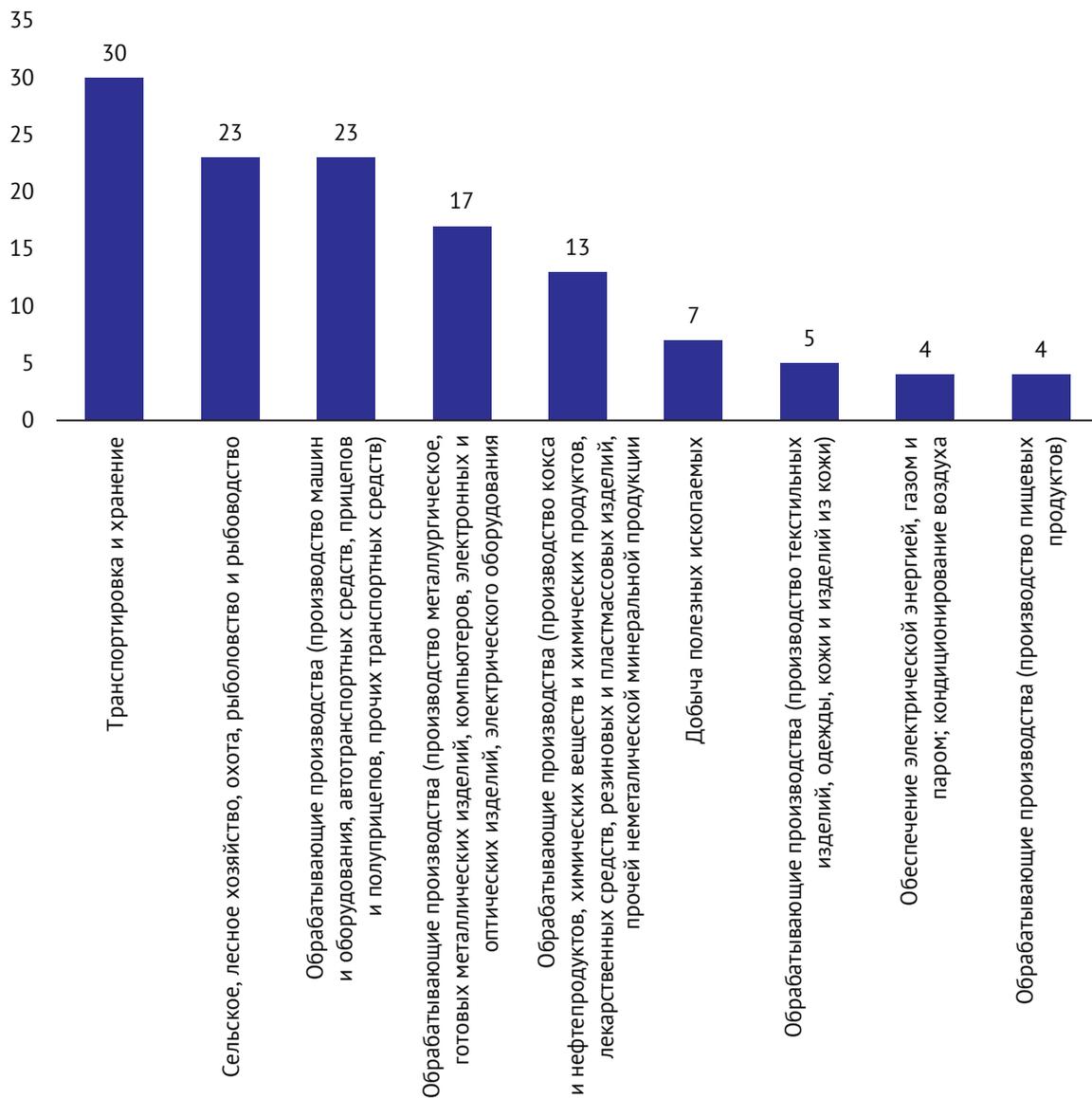

Рис. 2. Число регионов по отраслям реализации перспективных проектов в российско-китайском сотрудничестве* (источник: составлено авторами)

Примечание: * Документ «Рейтинг продуктивности взаимодействия регионов Российской Федерации с Китайской Народной Республикой по итогам 2022–2023 годов». Сайт российско-китайского комитета дружбы, мира и развития. <http://russian-chinese.com/> (дата обращения: 03.03.2025)

Fig. 2. Number of Regions by Sectors of Prospective Projects in Russian-Chinese Cooperation (Source: compiled by the authors)

(логистический центр в Алабуге), Пензенской, Челябинской (ТЛК «Южноуральский») и других областях.

Инвестиции в проекты транспортировки и логистики имеют перспективное значение в связи с формированием экономических коридоров. Результаты согласуются с моделями и ожиданиями инвесторов. Решающее значение будут играть проекты, содействующие реализации инициативы «Один пояс и один путь», и логистические цепочки, которые формируются по линиям коридоров для торговли с Китаем. С этой точки зрения весьма пер-

спективными являются регионы, находящиеся в зоне маршрутов: из Китая через Центральную Азию, Россию в Европу, Северный морской путь. Например, благодаря транспортной доступности выигрывают российские регионы, находящиеся по маршруту Китай – Монголия – Россия (Новосибирская область, Республика Тыва, Забайкальский край). Инвестиционные проекты в сфере транспорта и логистики реальны в Амурской области и Еврейской АО в связи со строительством трансграничных мостов. Следовательно, в граничащих с Китаем регионах целесообразно размещение проек-

тов с экспортной ориентацией готовой продукции не только в Китай, но и в другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Произведена группировка регионов по вероятности привлечения ПИИ из Китая. Регионы разделены на 3 группы: с высокой вероятностью, умеренной и низкой (рис. 3). Граничащие с Китаем регионы (Амурская, Еврейская АО, Забайкальский и Приморский края) имеют высокий уровень диверсификации перспективных направлений китайских ПИИ.

С одной стороны, не граничащие с Китаем регионы России привлекают китайских инве-

сторов в традиционные отрасли специализации, обладая сравнительными преимуществами в производственном потенциале и возможности экспорта. Мурманская, Калининградская, Архангельская области не были ранее привлекательны для китайских инвесторов. С учетом произведенной оценки они включены в область с высокими перспективами. Фактором инвестиционной привлекательности выступает морской транспортный путь (Синьчжу — Балтийск — Мукран). При этом приток инвестиций в отрасли специализации регионов не меняет отраслевую структуру экономики регионов.

Инвестиции, млн долл. США	Группы регионов	Балльная оценка перспективности ПИИ
> 20	г. Москва Забайкальский край Московская обл. г. Санкт-Петербург Новосибирская обл. Краснодарский край	Высокая (24-36)
	Липецкая обл.	
< 20	Красноярский край, Еврейская АО , Татарстан, Якутия, Хабаровский край , Пензенская обл., Челябинская обл., Нижегородская обл., Тульская обл., Оренбургская обл., Чувашия, Кировская обл. и др.	Умеренная (12-24)
	Воронежская обл., Алтайский край, Бурятия, Сахалинская обл., Свердловская обл., Ульяновская обл., Рязанская обл., Самарская обл., Саратовская обл., Тверская обл., Удмуртия, Камчатский край, Орловская обл. и др.	
	Калмыкия, Ростовская обл., Тамбовская обл.	
Отсутствуют	Приморский край , Костромская обл., Калужская обл., Магаданская обл., Архангельская обл., Мурманская обл.	Низкая (3-12)
	Ямало-Ненецкий АО, Ярославская обл., Ивановская обл., Ненецкий АО, Томская обл., Псковская обл., Курская обл., Кабардино-Балкария, Карелия и др.	
	Брянская обл., Чукотский АО, Ингушетия, Смоленская обл.	

Примечание: Средняя сумма инвестиций 20 млн долл. США рассчитана на основе среднегодовой величины ПИИ в каждый регион за период 2015-2022 гг., деленная на число регионов. Жирным шрифтом выделены граничащие с Китаем регионы.

Сплошная стрелка —————> регионы, которые, согласно перспективной оценке, включены в другую группу, отличную от фактического состояния.

Пунктирная стрелка - - - - -> регионы, которые по перспективной оценке, остались в той же группе, как и по фактической оценке.

Рис. 3. Перспективная оценка инвестиционной привлекательности регионов для китайских инвестиций (источник: составлено авторами)

Fig. 3. Prospective Assessment of the Investment Attractiveness of Regions for Chinese Investments (Source: compiled by the authors)

С другой стороны, в числе регионов, в которые увеличится объем инвестиций, — Татарстан, Челябинская, Нижегородская, Тульская, Оренбургская области (за счет инвестиций в проекты автомобилестроения и металлургическое производство, электронное оборудование). В отличие от граничащих с Китаем регионов, данные проекты в большей степени ориентированы на внутренние рынки сбыта. Ключевым фактором локализации проектов с ПИИ являются рынки, потребительский спрос и доступность ресурсов. Имеются перспективы производства автомобилей на новых источниках энергии, поскольку в Китае этот рынок составляет более 55 % всего мирового рынка. Красноярский край и Пензенская область привлекательны для инвестиций в сельское хозяйство, целлюлозно-бумажную промышленность, Якутия — в добычу полезных ископаемых. В Костромской, Курской, Ивановской областях, Дагестане и Калмыкии ожидается реализация инвестиционных проектов с привлечением ПИИ в сфере текстильной промышленности. Таким образом, ПИИ направлены в не граничащие с Китаем регионы с отраслевой специализацией, которая определяет сравнительные преимущества регионов.

Заключение

В условиях политики «разворота на восток» прогнозируется увеличение притока китайских ПИИ в инвестиционные проекты не только граничащих с Китаем регионов, но и регионов с высоким производственным и рыночным потенциалом. Выявлено, что наибольшие суммы китайских ПИИ в граничащих с Китаем регионах направлены в проекты по использованию природных ресурсов. За счет инвестиционных инструментов, режима ТОР и механизмов управления китайские инвестиции диверсифицированы в проекты обрабатывающей промышленности преимущественно экспортной

направленности. В граничащих с Китаем регионах с формирующимися рынками китайские ПИИ могут изменить отраслевую направленность региона, поскольку способствуют созданию новых производств.

Регрессионный анализ и проведенный анализ перспективных регионов, не граничащих с Китаем, показал, что высока вероятность привлечения ПИИ в Мурманскую, Калужскую, Калининградскую, Архангельскую, Челябинскую, Нижегородскую, Тульскую, Оренбургскую области, Республику Татарстан и другие регионы. Регрессионный анализ подтвердил, что наиболее значимыми отраслевыми приоритетами выступают сферы транспорта и логистики, сельского хозяйства. В не граничащих с Китаем регионах, находящихся вблизи транспортных коридоров, формируются предприятия экспортной направленности с ПИИ, в остальных регионах мотивами инвесторов являются потребительские рынки. Выявлено, что факторами, способствующими притоку китайских ПИИ, выступают наличие кластеров в регионе, международные соглашения, высокопроизводительные рабочие места. В ходе исследования установлено, что высокие перспективы привлечения китайских инвестиций имеют отрасли специализации регионов, что не окажет влияния на изменение отраслевой структуры региона.

Проведенное исследование, в отличие от предшествующих работ, позволило выявить наиболее значимые факторы инвестиционной привлекательности регионов, подтвердить их воздействие, как с помощью статистической оценки, так и с позиции предпочтений китайских инвесторов. Полученные результаты исследования могут быть использованы региональными органами власти при формировании инвестиционной политики и разработке инвестиционных проектов регионов.

Список источников

- Большаков, А. В. (2021). Китайские инвестиции в британскую экономику: структура, динамика, перспективы. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (2), 100–109. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnik-iran22021100109>
- Голева, Г. А. (2013). Концептуально-методологические основы современной региональной политики привлечения ПИИ в новых условиях пространственной организации региональной экономики. *Terra Economicus*, 11(3–2), 130–135.
- Малкина, М. Ю., Овчинников, В. Н., Горбунова, М. Л. (2017). Взаимодействие Китая с российскими регионами в сфере прямых инвестиций и во внешней торговле. *Terra Economicus*, 15(2), 93–108. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-2-93-108>
- Минакир, П. А., Сулов, Д. В. (2018). Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 11(3), 41–56. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.3>
- Новопашина, А. Н. (2015). Региональное распределение иностранного капитала в России: пример прямых китайских инвестиций. *Регионалистика*, 2(4), 59–76.

Овчинников, В. Н. (2017). «Эффект соседства» и мотивы китайских инвесторов при осуществлении прямых инвестиций в регионах России. *Финансы и кредит*, 23(7), 403–411. <https://doi.org/10.24891/fc.23.7.403>

Петров, А. В., Байнова, М. С., Жаркын Жалгас (2022). Особенности осуществления российских и китайских прямых инвестиций в Казахстан. *Пространственная экономика*, 18(1), 148–167. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.1.148-167>

Попова, Л. В., Воронин, В. А., Сизых, Е. Ю. (2023). Прямые инвестиции КНР в российский автопромышленный сектор в рамках глобальной стратегии китайских автопроизводителей. *Российско-китайские исследования*, 7(4), 354–366. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7\(4\).354-366](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(4).354-366)

Решетова, Я. М., Шилков, Д. Е., Шорохова, И. С. (2015). Эконометрическая оценка и стимулирование факторов привлечения прямых иностранных инвестиций в Уральский федеральный округ. *Вестник Уральского института экономики, управления и права*, (2(31)), 39–45.

Суслов, Д. В. (2022). Российско-китайская торговля и совместные проекты на Дальнем Востоке России. *Регионалистика*, 9(2), 63–80. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.2.63>

Тедеева, А. В. (2017). Стратегические характеристики прямых иностранных инвестиций. *Экономика и управление*, (9(143)), 60–69.

Шевченко, И. В., Горецкая, Е. О. (2007). Территориальная концентрация иностранных инвестиций в регионах России. *Региональная экономика: теория и практика*, (10(49)), 38–50.

Юань, С., Ли, Ж., Чжан, Ц. (2023). Развитие инвестиций китайских компаний в Россию после спецоперации. Альманах «Крым». *Экономика, инновации*, (39), 139–144.

Якимова, В. А., Хмура, С. В. (2023). Инвестиции в цифровизацию сервисных организаций как источник благосостояния населения регионов. *Финансы: теория и практика*, 27(6), 148–160. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-6-148-160>

Bandera, V.N., & White, J.T. (1968). U.S. direct investments and domestic markets in Europe. *Economia internazionale*, 21, 117–133.

Borensztein, E., De Gregorio, J., & Lee, J.-W. (1998). How does foreign direct investment affect economic growth? *Journal of International Economics*, 45(1), 115–135. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(97\)00033-0](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(97)00033-0)

Dunning, J.H. (1988). The Eclectic Paradigm of International Production: A Restatement and Some Possible Extensions. *Journal of International Business Studies*, 19, 1–31.

Gottwald-Belinic, M., & Sonora, R. (2024). Chinese Investment Scope behind the «14+1» Initiative: The Effects of Chinese FDI and BRI Investment on CEE Exports. *Asian Perspective*, 48(2), 177–199. <https://doi.org/10.1353/apr.2024.a928613>

Hymer, S.H. (1976). *The international operations of national firms: a study of direct foreign investment*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 253.

Ragazzi, G. (1973). Theories of the Determinants of Direct Foreign Investment. *Staff Papers (International Monetary Fund)*, 20(2), 471–498.

Shakhriyor, G. (2024). Factors Affecting Chinese Enterprises' Investment in Central Asian Markets. *Modern Economics & Management Forum*, 5(3), 592–598. <https://doi.org/10.32629/memf.v5i3.2395>

Tesch, P. (Ed.) (1980). *Die Bestimmungsgründe des internationalen Handels und der Direktinvestition*. Berlin: Duncker und Humblot. 650.

Vernon, R. (1966). Investment and International Trade in the Product Cycle. *The Quarterly Journal of Economics*, 80(2), 190–207. <https://doi.org/10.2307/1880689>

Wang, H., Ergu, D., & Zai, W. (2023). Effect of Chinese Currency Appreciation on Investments in Renewable Energy Projects in Countries along the Belt and Road. *Sustainability*, 15(3), 1784. <https://doi.org/10.3390/su15031784>

Yuan, H., & DuraiPandi, O. (2024). A Comprehensive Review on the Psychological Underpinnings of Investment Decisions among Chinese Investors. *International Journal of Religion*, 5(11), 8377–8387. <https://doi.org/10.61707/r2v7ck97>

References

Bandera, V.N., & White, J.T. (1968). U.S. direct investments and domestic markets in Europe. *Economia internazionale*, 21, 117–133.

Bolshakov, A.V. (2021). Chinese Investment in the UK: Structure, Dynamics, Prospects. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN [Scientific and Analytical Herald of IE RAS]*, (2), 100–109. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnik-eran22021100109> (In Russ.)

Borensztein, E., De Gregorio, J., & Lee, J.-W. (1998). How does foreign direct investment affect economic growth? *Journal of International Economics*, 45(1), 115–135. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(97\)00033-0](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(97)00033-0)

Dunning, J.H. (1988). The Eclectic Paradigm of International Production: A Restatement and Some Possible Extensions. *Journal of International Business Studies*, 19, 1–31.

Goleva, G.A. (2013). Conceptual and methodological foundations of modern regional policy attracting FDI in new conditions of spatial organization of regional economy. *Terra Economicus*, 11(3–2), 130–135. (In Russ.)

Gottwald-Belinic, M., & Sonora, R. (2024). Chinese Investment Scope behind the «14+1» Initiative: The Effects of Chinese FDI and BRI Investment on CEE Exports. *Asian Perspective*, 48(2), 177–199. <https://doi.org/10.1353/apr.2024.a928613>

- Hymer, S.H. (1976). *The international operations of national firms: a study of direct foreign investment*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 253.
- Malkina, M. Yu., Ovchinnikov, V.N., & Gorbunova, M.L. (2017). Interaction between China and the Russian regions in the area of direct investment and foreign trade. *Terra Economicus*, 15(2), 93–108. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-2-93-108> (In Russ.)
- Minakir, P.A., & Suslov, D.V. (2018). Foreign direct investment in the economy of the Russian Far East. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 11(3), 41–56. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.3> (In Russ.)
- Novopashina, A.N. (2015). Regional Distribution of Foreign Capital in Russia: Case of FDI from China. *Regionalistika [Regionalistics]*, 2(4), 59–76. (In Russ.)
- Ovchinnikov, V.N. (2017). The 'neighborhood effect' and motives of Chinese investors for foreign direct investment in Russian regions. *Finansy i kredit [Finance and Credit]*, 23(7), 403–411. <https://doi.org/10.24891/fc.23.7.403> (In Russ.)
- Petrov, A.V., Baynova, M.S., & Jiaerheng Jialihasi (2022). Features of Russian and Chinese Direct Investments in Kazakhstan. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics]*, 18(1), 148–167. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.1.148-167> (In Russ.)
- Popova, L.V., Voronin, V.A., & Sizykh, E.Yu. (2023). Direct Investment of China in the Russian Automotive Sector as Part of the Global Strategy of Chinese Automakers. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya [Russian and Chinese Studies]*, 7(4), 354–366. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7\(4\).354-366](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(4).354-366) (In Russ.)
- Ragazzi, G. (1973). Theories of the Determinants of Direct Foreign Investment. *Staff Papers (International Monetary Fund)*, 20(2), 471–498.
- Reshetova, Ya.M., Shilkov, D.E., & Shorokhova, I.S. (2015). Econometric Estimates and Stimulating Factor in Attracting Foreign Direct Investment in the Ural Federal District. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava [Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law]*, (2(31)), 39–45. (In Russ.)
- Shakhriyov, G. (2024). Factors Affecting Chinese Enterprises' Investment in Central Asian Markets. *Modern Economics & Management Forum*, 5(3), 592–598. <https://doi.org/10.32629/memf.v5i3.2395>
- Shevchenko, I.V., & Goretskaya, E.O. (2007). Territorial concentration of foreign investment in the regions of Russia. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*, (10(49)), 38–50. (In Russ.)
- Suslov, D.V. (2022). Russian-Chinese Trade and Joint Projects in the Russian Far East. *Regionalistika [Regionalistics]*, 9(2), 63–80. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.2.63> (In Russ.)
- Tedeeva, A.V. (2017). Strategic Characteristics of Foreign Investment. *Ekonomika i upravlenie [Economics and Management]*, (9(143)), 60–69. (In Russ.)
- Tesch, P. (Ed.) (1980). *Die Bestimmungsgründe des internationalen Handels und der Direktinvestition*. Berlin: Duncker und Humblot. 650. (In German)
- Vernon, R. (1966). Investment and International Trade in the Product Cycle. *The Quarterly Journal of Economics*, 80(2), 190–207. <https://doi.org/10.2307/1880689>
- Wang, H., Ergu, D., & Zai, W. (2023). Effect of Chinese Currency Appreciation on Investments in Renewable Energy Projects in Countries along the Belt and Road. *Sustainability*, 15(3), 1784. <https://doi.org/10.3390/su15031784>
- Yakimova, V.A., & Khmura, S.V. (2023). Investments in the Digitalization of service Companies as a source of Well-being of the Population of the Regions. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*, 27(6), 148–160. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-6-148-160> (In Russ.)
- Yuan, S., Li, R., & Zhang, Q. (2023). Development of investments of Chinese companies in Russia after the special operation. Al'manakh «Krym». *Ekonomika, innovatsii [Almanac «CRIMEA». Economics, innovation]*, (39), 139–144. (In Russ.)
- Yuan, H., & DuraiPandi, O. (2024). A Comprehensive Review on the Psychological Underpinnings of Investment Decisions among Chinese Investors. *International Journal of Religion*, 5(11), 8377–8387. <https://doi.org/10.61707/r2v7ck97>

Информация об авторах

Якимова Вилена Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов, Амурский государственный университет; Scopus Author ID: 57209797168; <https://orcid.org/0000-0001-5866-5652> (Российская Федерация, 675000, г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе, д. 21; e-mail: vilena_yakimova@mail.ru).

Ермакова Жанна Анатольевна – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор, Оренбургский филиал Института экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 57190430700; <https://orcid.org/0000-0003-4761-6200> (Российская Федерация, 460000, г. Оренбург, ул. Пионерская д. 11; e-mail: 5bermakova@mail.ru).

Вэй Фэн – профессор, доктор наук, декан института экономики и делового администрирования, Хэйлунцзянский университет (КНР, 150080, г. Харбин, район Наньган, ул. Сюэфу, 74; e-mail: weifeng@hlju.edu.cn).

About the authors

Vilena A. Yakimova – Dr. Sci (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of Finance, Amur State University; Scopus Author ID: 57209797168; <https://orcid.org/0000-0001-5866-5652> (11, Ignatievskoe highway, Blagoveshchensk, 675000, Russian Federation; e-mail: vilena_yakimova@mail.ru).

Zhanna A. Ermakova – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of RAS, Director, Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 57190430700; <https://orcid.org/0000-0003-4761-6200> (11, Pionerskaya St., Orenburg, 460000, Russian Federation; e-mail: 56ermakova@mail.ru).

Feng Wei – Professor, Doctor of Sciences, Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Heilongjiang University (74, Xuefu Road, Nangang District, Harbin, 150080, People’s Republic of China; e-mail: weifeng@hlju.edu.cn).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 02.02.2025.

Прошла рецензирование: 03.04.2025.

Принято решение о публикации: 27.06.2025.

Received: 02 Feb 2025.

Reviewed: 03 Apr 2025.

Accepted: 27 Jun 2025.